

А.М.Решетов

Тернистый путь к этнографии и музею: страницы жизни Т.А.Крюковой¹

Российский этнографический музей (РЭМ) недавно отметил свой знаменательный юбилей. Сто лет назад, в 1902 г., с утверждением «временных штатов этнографического отдела», началась его богатая история. За это время музей стал не только крупным научно-просветительным учреждением страны, экспозиции которого знакомят многочисленных посетителей с культурой и бытом народов России и сопредельных стран, но и известным научно-исследовательским центром. На разных этапах развития музея в его стенах трудились многие поколения отечественных этнографов: Д.А.Клеменц, Н.М.Могилянский, Е.А.Ляцкий, А.А.Миллер, С.И.Руденко, Д.А.Золотарев, Б.Г.Крыжановский, С.А.Теплоухов, А.Д.Данилин. Новое поколение молодых, талантливых, одержимых жадой поиска музейных работников пришло в 1930-е годы: В.С.Дубов, В.А.Казакевич, А.С.Морозова, А.Г.Никитин, Л.П.Потапов, Н.Ф.Прыткова, В.В.Романовская, М.В.Сазонова, Л.В.Строева, Е.Н.Студенецкая, А.К.Супинский, Н.Г.Талонов. В этой славной когорте была и Татьяна Александровна Крюкова, пришедшая в этнографический музей трудным и неожиданным для самой себя путем. Ее драматическая судьба заслуживает специального рассказа.

Татьяна Александровна родилась 30 декабря 1904 г. по старому стилю, или 12 января 1905 г. по новому, в городе Минусинске Енисейской губернии в семье служащего. Ее дед по матери Климин Иннокентий Федорович, студент Московского земледельческого училища, 8 декабря 1869 г. был арестован полицией, привезен в Санкт-Петербург, заключен в Петропавловскую крепость как проходящий по делу народовольца Нечаева. Приговор гласил: 5 лет ссылки и строгого наблюдения со стороны поли-

ции. Сначала он был выслан в Архангельскую губернию, а затем в 1872 г. переведен в Тюмень. После освобождения в 1876 г. остался в Сибири, где жил его отец, крупный торговец и золотопромышленник, считавшийся третьим в списке обладавших наибольшим состоянием в Сибири. Он и ссылку сына сделал достаточно сносной, а затем добился разрешения на поселение сына в Поволжье. Здесь, в Козьмодемьянске на Волге, дочь Иннокентия Федоровича вышла замуж за почетного гражданина и весьма состоятельного человека Павла Бычкова. А когда дочь Бычковых Евгения решила выйти замуж за молодого землемера Александра Ивановича Крюкова, родители хотя и не пошли против воли дочери, но посоветовали молодым самостоятельно нажить себе состояние и добиться успеха в жизни. После этого Александр и Евгения уехали в Сибирь и поселились в Минусинске. Здесь А.И.Крюков сначала работал на строительстве Великого Сибирского пути, а потом занял престижную должность лесничего. Он имел широкие знакомства среди местной интеллигенции, был в добрых отношениях с директором знаменитого Минусинского музея Н.М.Мартьяновым, увлекался составлением гербария на хорошем научном уровне — его собрания вошли в состав музея. Не чурался он и встреч с политическими ссыльными, участливо относился к их судьбам, по возможности помогал им, что было сопряжено с определенным риском для его служебного положения и с несомненностью свидетельствовало о его прогрессивных взглядах, которые полностью разделяла его супруга.

В дружной семье Татьяна была средней, помимо нее росли еще брат Борис (1898 г. рождения) и сестра Нина (1912 г.). Позднее родители с детьми переехали в Козьмодемьянск. Здесь в 1921 г. Татьяна Крюкова закончила школу II ступени и в том же году как стипендиат Марийской области поступила на первый курс историко-филологического факультета Нижегородского университета. Ей было тогда всего 16 лет! Это пора романтических увлечений. Она занималась в Государственной литературной студии, увлекалась лекциями молодого преподавателя В.Л.Комаровича², который в дальнейшем играл большую роль в ее жизни. По его совету через год она поехала в Петроград, куда переезжал и В.Л.Комарович.

Здесь Татьяна поступила на этнолого-лингвистическое отделение (с 1925 г. — отделение языка и литературы) факультета общественных наук Университета. Приехав впервые в культурную столицу страны, еще недавно столицу Российской империи, провинциальная девочка, став студенткой одного из лучших университетов мира, с головой погрузилась в его жизнь, стараясь

узнать как можно больше нового, интересного, а для нее все здесь было только новым и исключительно интересным. Позднее сама Татьяна Александровна вспоминала об этом времени так: «Приехав девчонкой семнадцати лет из глухой провинции, я старалась как можно больше всего увидеть, послушать и бежала всюду, куда можно было проникнуть. Мной посещались более или менее регулярно: Союз писателей, Пушкинский Дом, Общество "Старый Петербург", Вольнофилософская ассоциация, Дом работников просвещения, Институт истории искусств, Институт живого слова, Дом ученых и т.д. В Университете кроме лекций по своей специальности слушала курсы лекций на других факультетах, и все это надо было посетить не в ущерб занятиям по специальности, в Университете я была не из отстающих». На факультете в те годы были отделения: общественно-идеологическое, где занимались историческими науками, и этнолого-лингвистическое — здесь основными были филологические науки. Именно на втором и училась Татьяна Крюкова, увлекаясь преимущественно творчеством А.С.Пушкина и Ф.М.Достоевского. Д.С.Лихачев о своей учебе тогда на том же факультете сообщает следующее: «Процветали различные курсы на частные темы — "спекурсы", по современной терминологии. Так, например, В.Л.Комарович вел по вечерам два раза в неделю курс по Достоевскому, и лекции его, начинаясь в шесть часов вечера, затягивались до двенадцатого часа. Он погружал нас в ход своих исследований, излагал материал как научные сообщения, и посещали его лекции многие маститые ученые»³. Среди самых активных участниц семинара В.Л.Комаровича была и Татьяна Крюкова, которая оставалась преданной ему до самой его смерти в блокадном Ленинграде.

К 17 июня 1925 г. Татьяна выполнила все требования учебного плана отделения языка и литературы факультета общественных наук ЛГУ по славяно-русской секции. Она получила блестящее образование, прослушав у лучших профессоров Университета разнообразные курсы, среди которых — введение в языкознание, введение в славяноведение, психология, логика, развитие социальных форм, история устной народной словесности, история русского языка, разные специальные курсы по истории литературы и т.д. А сколько лекций было прослушано на других факультетах Университета и в других институтах города, сведения о которых не зафиксированы в свидетельстве об окончании Университета! И это было естественно: ведь «такого созвездия ученых-литературоведов, лингвистов, историков, востоковедов, какое представлял собой Ленинградский университет и Институт истории искусств в Зубовском дворце в 20-е годы, не

было в мире»⁴. Эти слова Д.С.Лихачева наилучшим образом характеризуют ту творческую атмосферу, в которой формировались научные интересы Татьяны Александровны. Они включали широкий спектр тем: изучение творчества Пушкина, Достоевского, истории русской литературы, славяноведения.

С ноября 1925 по август 1926 г. Крюкова стажировалась в Праге. Об этом времени она вспоминала: «По окончании Университета в 1925 г. я уехала за границу, в Прагу, для усовершенствования в славяноведении и славянской лингвистике. Город и специальность были выбраны не случайно. Принималось во внимание то, что я окончила в Университете славянско-русскую секцию при факультете общественных наук. Пополнить же образование и получить некоторую специализацию было нужно, так как год моего окончания был годом реорганизации Университета и наш курс был лишен специальности, а именно: от педагогического уклона прежних лет Университет отошел, предоставив это специальным педагогическим институтам, в то же время он не выпускал еще литературных работников, корреспондентов, как в последующие годы. Советский паспорт я получила вполне официально, а визу заграничную выслал мне профессор-славист Петров⁵, советский гражданин, командированный от Академии наук в Прагу. Деньги на поездку даны были родными. За границей я училась в Пражском университете в качестве вольнослушательницы (действительной студенткой меня не приняли из-за советского паспорта) и была допущена к экзаменам. Занятия шли успешно, что видно хотя бы из того, что я овладела вполне неизвестным мне языком в 8 месяцев, которые пробыла в Праге, и сдавала зачеты на чешском языке. За время моего пребывания там, благодаря моей природной общительности, конечно, у меня образовалось много знакомых, люди, с которыми я сталкивалась, исключительно студенты или профессора. Среди них, конечно, были и русские, к ним я подходила не со стороны их политических убеждений, а как к коллегам по занятиям».

Прага в 20-е годы стала одним из крупнейших центров российской научной эмиграции⁶. Здесь читали лекции выдающиеся русские ученые-эмигранты, и Татьяна Александровна, естественно, просто не могла не посещать читаемые ими курсы или отдельные лекции. В архиве РЭМ хранится Лекционный лист Русской учебной коллегии в Праге, выданный 22 июля 1926 г. на имя студентки историко-филологического отделения Татьяны Крюковой, из которого явствует, что она прослушала лекции проф. Г.В.Флоровского⁷ «Очерки по истории русской мысли», проф. И.И.Лаппо⁸ «Курс русской истории. Смутное время» и занималась в семинарии проф. Н.О.Лосского⁹ по этике В.С.Соло-

вева. Во время пребывания в Праге Крюкова овладела чешским, словацким и отчасти сербским языками. Таким образом, можно считать, что стажировка ее в Чехословакии в значительной мере способствовала формированию ее как слависта-филолога широкого профиля.

Вернувшись в Ленинград, Татьяна Александровна возобновила посещения своих многочисленных друзей и знакомых, в том числе и Ивана Михайловича Андреевского¹⁰, у которого всегда собиралось много интересных людей. «Комнатки Андреевского никогда не были пустыми»¹¹, — вспоминает Д.С.Лихачев. Крюкова стала бывать здесь еще в студенческие годы. Встречи у Андреевского имели свое название — здесь устраивались заседания Художественно-литературной, философской и научной академии (Хельфернак). Их участник академик Д.С.Лихачев позднее об этом периоде напишет так: «Вплоть до конца 1927 г. город кипел различными философскими кружками, студенческими обществами, журфиксами у тех или иных известных людей <...> Расцвет Хельфернака приходился примерно на 1921—1925 гг., когда в двух тесных комнатах Ивана Михайловича Андреевского на мансардном этаже дома по Церковной улице № 12 (Блохина) каждую среду собирались и маститые ученые, и школьники, и студенты (М.В.Юдина¹², В.Л.Комарович, М.М.Бахтин¹³ <...>). Доклады были самые разнообразные — на литературные, философские и богословские темы. Обсуждения были оживленными»¹⁴. Позднее этот кружок постепенно начал приобретать все более религиозный характер, что в известной мере объяснялось гонениями на церковь в те годы. Особенные споры разгорелись в 1927 г. после опубликования «Декларации» митрополита Сергия, стремившегося примирить церковь с государством и государство с церковью¹⁵. «В разыгравшемся в 1927 г. и последующие годы споре сержанцев и непримиримых иосифлян мы, интеллигентная молодежь, были всецело на стороне митрополита Иосифа, не согласившегося признать декларацию митрополита Сергия, в которой он объявляет, что у нас не было и нет гонений на церковь <...>»¹⁶. Все эти дебаты в немалой степени способствовали тому, что кружок Андреевского в конце концов получил название «Братство Святого Серафима Саровского». В его деятельности принимало участие немало интересных людей, но для Татьяны Крюковой притягательным магнитом был В.Л.Комарович — один из самых активных его членов. Видимо, именно с ним она пришла сюда впервые.

О своих посещениях кружка Андреевского в университетский период Татьяна Александровна позднее напишет так: «Андреевский <...> человек образованный, окончивший три факультета,

прекрасный педагог, любящий свое дело и молодежь. С ним я познакомилась случайно на литературном заседании в Пушкинском Доме и тогда же была приглашена на доклад, вернее на лекцию о гипнозе, которая читалась в школе II ступени, где преподавал литературу Андреевский. При школе этой существовал кружок самообразования (вполне официальный) с уклоном в сторону литературы и психологии. Дело кружка, благодаря личному умению Андреевского, было поставлено очень интересно. Им в качестве лекторов привлекались крупные силы литературные и научные. Обширные знакомства его в научном мире позволяли ему устраивать доклады на самые разнообразные темы, приглашались писатели, поэты для читки литературных произведений. Я посещала лекции, тем более что круг посещавших их не был ограниченным, иногда билеты на лекции даже продавались, средства шли на школьные нужды. По окончании школы члены кружка не забывали своего преподавателя и заходили к нему. Помимо личных симпатий к нему как к образованному интересному человеку и педагогу привлекала молодежь и обширная библиотека, где можно было найти книги по любому вопросу гуманитарных наук. Иногда читались и доклады. Но ни о какой организации и даже о каком-либо постоянном контингенте посетителей не может быть и речи. Состав был самый текущий. Корнем кружка были бывшие ученики Андреевского. Я изредка тоже заходила к Андреевскому, слушала некоторые из докладов, которые в то время были исключительно на литературные темы. Посещать эти доклады регулярно и часто я лично не могла уже потому, что не имела на это физических возможностей».

Итак, во время обучения в Университете Татьяна Александровна много, старательно и увлеченно занималась, у нее были свои кумиры среди преподавателей, прежде всего любимый В.Л.Комарович, она серьезно и глубоко изучала классическую русскую литературу XIX в., из которой особо выделяла творчество Пушкина и Достоевского. Только это, по ее определению, была настоящая литература. Потом последовали девять месяцев напряженной учебы и работы в Чехословакии — это был следующий этап в ее самопознании славяноведения. Она чувствовала себя способной сделать многое, рассказать о том, что ею сделано, что выношено в душе. В таком радужном настроении она вновь встретилась в Ленинграде со своими учителями, с ними и пришла в кружок Андреевского, с которым было связано множество приятных воспоминаний. И, придя туда, она обнаружила там много изменений, сразу бросившихся ей в глаза. «К тому времени кружок у него (Андреевского. — *А.Р.*) приобретает более определенное очертание и окраску. Из докладов получают пре-

обладание доклады философско-религиозные, впоследствии с уклоном в сторону узкой тематики. Но ни устава кружка, ни определенного состава по-прежнему не имеется. Свои впечатления о заграничной поездке и о жизни в Праге я рассказывала как-то у Андреевского, но не в форме доклада, а скорее просто рассказа о впечатлениях. Это же, но в форме законченного доклада должна я была доложить в Славянской комиссии при Академии наук по просьбе председателя Комиссии Лященко <...>¹⁷. Попутно замечу, что такое приглашение — выступить с докладом о своей научной деятельности в Праге и о своих чехословацких впечатлениях в Славянской комиссии АН СССР — надо было заслужить. Можно предположить, что университетские учителя Крюковой, познакомившись с ее первыми сообщениями после возвращения в Ленинград, сочли их достаточно значительными и достойными быть представленными авторитетному ученому собранию.

Тем не менее после возвращения из Праги она столкнулась в Ленинграде со значительными трудностями в устройстве на работу. Дело в том, что в те годы, не имея профсоюзного билета, нельзя было устроиться на службу, а стать членом профсоюза было невозможно, не будучи сотрудником какого-нибудь советского учреждения. Крюкова словно попала в заколдованный круг: ведь она не была членом профсоюза... В начале 1927 г. старые друзья и добрые знакомые помогли ей устроиться на работу в рукописный отдел Библиотеки АН СССР с уклоном славяноведения в качестве внештатного и неоплачиваемого стажера, а жила она на средства, получаемые от родных. Ежедневно после шести часов работы в Библиотеке она еще занималась в частной библиотеке профессора Петрова, училась на Фонетических курсах английскому языку, периодически посещала кружок Андреевского и т.д. В конце концов трудности были преодолены, и 21 февраля 1928 г. Татьяна Александровна должна была выйти на работу, будучи зачисленной на штатную должность в Библиотеке АН СССР.

Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. Оказалось, что среди членов «Братства Святого Серафима Саровского» действовал провокатор, который в своих показаниях ГПУ представлял их как монархистов и ярых контрреволюционеров¹⁸. В ночь на 21 февраля 1928 г. Крюкова была арестована по обвинению «в принадлежности к антисоветской организации "Братство Серафима Саровского", т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-11 УК РСФСР»¹⁹. 22 июня 1928 г. прокурор Ленинградской области Кондратьев сделал заключение по обвинению 30 арестованных по этому делу (среди них также были

И.М.Андреевский, И.Е.Аничков, В.Л.Комарович, Д.С.Лихачев, С.А.Аскольдов, Д.П.Каллистов). Прокурор нашел, «что все перечисленные входили частью в состав организованной в начале 1926 г. нелегальной антисоветской организации, именуемой "Космической Академией наук" (сокращенно КАН), частью — в подобную же организацию под названием "Братство имени преподобного Серафима Саровского", существующее с 1923 г. Обе названные организации по характеру и принципу своему являлись организациями политическими с определенными целями и задачами, нелегальными систематическими заседаниями кружков, с заранее выработанными повестками и докладами, носившими явно антисоветский характер. Причем как самые организации, так и работы их являлись строго конспиративными с словесно-ограниченным в них доступом».

«Принимая во внимание, что характер этих организаций, а также лица, входившие в них (бывшие дворяне, чиновники, дети священников и пр. и т.д.), являются сугубо социально опасными», прокурор присоединился к предложению Полномочного представительства Объединенного главного политического управления (ПП ОГПУ) в Ленинградском военном округе (ЛВО) о рассмотрении дела Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ²⁰.

В связи с арестом Крюкова позднее так охарактеризует то время: «1928 г. был годом, когда закрывали и арестовывали всевозможные кружки немарксистского содержания, так что кружок Андреевского не был исключительным явлением. Тюрьма окончательно подорвала мое и без того слабое здоровье. В тюрьме, в условиях одиночки, перенесен аппендицит, началось сильное обострение туберкулезного процесса с кровохарканьем. На целый год потеряла я способность занятий из-за болезни глаз». В связи с обострением болезней, согласно ордеру ПП ОГПУ в ЛВО от 9 мая 1928 г., Крюкова была освобождена из-под стражи. 25 мая известный профессор А.Н.Рубель дал письменное заключение, что туберкулезный процесс в правом, а частично и в левом легком в настоящее время активизировался, а потому ей «необходимо немедленно уехать из Ленинграда и поселиться в деревенской обстановке, создав там непременно санаторные условия жизни». С 1 по 11 октября 1928 г. Татьяна Александровна находилась на излечении в госпитальной хирургической клинике I МГУ, где 5 октября ей была сделана операция по поводу аппендицита.

С благожелательными отзывами о работе Крюковой выступили коллеги. Так, 15 мая старший библиотекарь АН СССР Н.А.Вукотич²¹ написала: «Настоящим свидетельствую, что гражданка Татьяна Александровна Крюкова с 1927—28 гг. работала в Биб-

лиотеке Академии наук СССР в отделе периодических изданий в качестве практикантки. Ею исполнялись все виды библиотечной работы, как то: регистрация и инвентаризация поступлений, обработка журналов и газет, библиографические работы по расписыванию журналов и газет и составление библиографических указателей. В исполнении всех указанных работ Т.А.Крюкова, кроме исключительной работоспособности и исполнительности, проявила большой интерес к работе, инициативу и библиотекарское чутье, ставящее ее в ряды способных и многообещающих молодых библиотечкарей». Этот документ явно предназначен для судебных органов. Судьбой молодой девушки в канун надвигающегося суда были обеспокоены все: коллеги, друзья, родственники, которые обращались в различные инстанции с просьбой учесть все обстоятельства дела и максимально смягчить ей приговор. Так, например, в Президиум ЦИК СССР обратился со специальным ходатайством ее дедушка И.Ф.Климин, который, в частности, писал: «Я, старый революционер (нечаевец), ныне слепой 80-летний старик, но горячо приветствующий и твердо верящий в торжество и достижения, добытые Октябрьской революцией, обращаюсь в Президиум ЦИК'а с большой просьбой — о снижении наказания моей провинившейся внучке, Т.А.Крюковой. Человек она очень способный, хороший, хотел бы видеть ее полезным членом общества, а не выкинутым за борт общественной жизни, тем более что ей только 23 года и она не успела выработать еще каких-либо прочных убеждений».

Пожалуй, все эти обстоятельства — состояние здоровья Татьяны Александровны, обращения с просьбой учесть неопытность молодой девушки, отсутствие у нее каких бы то ни было «антигосударственных замыслов» и желание ее трудиться на благо общества — в конце концов сыграли свою роль. Стоит учесть и тот факт, что это происходило еще в 1928 г., т.е. до «академического дела» и тем более до трагического 1937 г. По решению суда участники «Братства Святого Серафима Саровского», которое все-таки квалифицировалось как антисоветская организация, не получили больших сроков, в основном их выслали в различные города страны с отбыванием там наказания в течение примерно трех лет. Татьяна Александровна судебным постановлением от 30 ноября 1928 г. была выслана по месту жительства родителей в г. Козьмодемьянск сроком на три года²².

Деятельное участие в судьбе Крюковой на этом этапе сыграл мариинский художник Александр Владимирович Григорьев. Ученик известных художников А.Е.Архипова и Н.А.Касаткина, воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, он рано занялся революционной деятельностью, в 1918 г. всту-

пил в партию большевиков, в 1919 г. организовал в Козьмодемьянске музей предметов искусства и старины, впоследствии названный его именем. В 1924 г. он был избран действительным членом Академии художественных наук. Сам Григорьев жил в Москве, но пользовался на родине большим авторитетом и влиянием²³. Он предварительно договорился с директором Козьмодемьянского музея местного края С.Р.Пузырниковым о трудоустройстве Крюковой в музее и сразу же обратился за содействием и поддержкой в Козьмодемьянский кантонный комитет ВКП(б). «Тов. Крюкова Т.А. (дочь лесничего А.И.Крюкова), во-первых, с высшим образованием и, во-вторых, с весьма большими задатками и большой эрудицией для научно-исследовательских работ. История с ее высылкой есть некоторое недоразумение для нее, ибо она попала "как кур во щи" в той академической заварухе, которую прочистила наша партия: она с большим энтузиазмом (правда, с некоторой наивностью в области политики) рвалась везде впитывать в себя научные истины, научные новинки и незаметно для себя попадала в кружки, научные собрания, которые руководствовались (так в оригинале. — *А.Р.*) противниками нашей идеологии, академиками, очищенными из Академии наук. Она еще молода. Работать имеет право — как сказали в Верх<овном> суде, этого права ее не лишали. Поэтому просьба не возражать к приему на штатную должность в музее моего имени. У нас в Козьмодемьянске почти, а может быть, и абсолютное отсутствие таких научных, способных, с большим энтузиазмом людей. Она поставит на должную высоту научную работу в музее, и этим в период культ<урной> революции принесет огромную пользу для нашего культурно отсталого народа. Плюс к тому же — ее отец А.И.Крюков в бытность свою в Минусинском крае заслужил для нашей революции имя помощника революции, ибо всячески и всем, чем мог, помогал высланным в дореволюционное время нашим партийцам-подпольщикам (отзывы Феликса Кона). Еще раз просьба: не возражать С.Р.Пузырникову в приеме т. Крюковой Т.А. на работу. Я ручаюсь за политическую безопасность т. Крюковой»²⁴.

Очевидно, Козьмодемьянский кантонный комитет ВКП(б) положительно отреагировал на обращение Григорьева и не препятствовал принятию на работу в музей Крюковой. Взвешенный, разумеется в духе времени, анализ ситуации, проведенный Григорьевым в письме, убедил партийных руководителей города в возможности такого решения. Уже 9 мая 1929 г. на заседании музейной коллегии Козьмодемьянского краеведческого музея под председательством С.Р.Пузырникова рассматривался вопрос о приеме на работу Крюковой. Заседание началось с зачитыва-

ния письма Григорьева, в котором он убедительно обосновал необходимость положительного решения вопроса. После обмена мнениями члены музейной коллегии сочли необходимым использовать Татьяну Александровну для научной работы в музее. Первоначально ее пригласили только на три месяца, поручив дирекции в дальнейшем изыскать возможность использовать ее на постоянной работе. Особо подчеркивалась необходимость дополнительных средств на содержание штатной единицы для научного сотрудника, без чего музей не может развиваться.

Для Крюковой наступили напряженные времена. До этого все ее интересы сосредоточивались в области славяноведения, истории русской классической литературы. Она страстно мечтала быть литературоведом, изучать творчество Достоевского, трудиться вместе с В.Л.Комаровичем. Теперь ей спешно надо было стать музейным работником. Пришлось вспоминать лекции на лингво-этнографическом отделении университета, посещения музеев в Ленинграде и в Праге, старательно изучать музейведческую литературу, усердно знакомиться с работой местного музея. Сказались такие черты характера Крюковой, как работоспособность и упорство в достижении поставленной цели. Работа шла буквально днем и ночью, что дало свои результаты. 16 июля 1929 г. на заседании музейной коллегии Козьмодемьянского краеведческого музея стоял основной вопрос: доклад Т.А.Крюковой о состоянии музея и перспективах дальнейшей работы. Докладчица явно волновалась и представила доклад в письменном виде. Смелый план перестройки отделов музея требовал решения таких острых вопросов, как музейные помещения, средства для сбора коллекций и создания новых экспозиций. Обсуждение было бурным, но доброжелательным. В результате постановили: «Зачитанную часть плана принять за основу. Поручить докончить план и выделить конкретные работы на ближайший отрезок времени (примерно на 1 год). При этом же приступить к разработке пятилетнего плана работы Козьмодемьянского музея».

Так начались этнографические университеты Крюковой. Об этом времени она позднее напишет: «В области этнографии и музейведения начала работу в Горно-марийском краеведческом музее г. Козьмодемьянска». Вместе с другими сотрудниками музея она формировала этнографические коллекции. Ею положено начало собиранию фотографических материалов о быте горных мари XIX—XX вв. 24 мая 1930 г. отзыв о ее работе в музее дал А.В.Григорьев: «Тов. Крюкова Т.А. вела работу в Марийском Национальном музее им. товарища Григорьева А.; причем эта работа длилась в течение 10 месяцев (с мая 1929 г. по март 1930 г.). Показала себя большой общественницей, отдающей

все знания на пользу трудящихся марийцев. Подготовила реорганизацию музея для приближения его к широким массам: 1) проект реорганизации музея, 2) выставка по колхозному движению, 3) подготовила выставку по лесному хозяйству в Марийской автономной области. Центр области пригласил ее к себе, видя ценность ее работы, особенно когда она подготовила пятилетний план работы (с краеведческим уклоном). Местная пресса дала положительные отзывы о работе музея за время ее работы. Сам я ее знаю и считаю весьма активной и полезной работницей». Будучи сотрудницей музея в течение 3 лет, в том числе один год научным сотрудником, Татьяна Александровна выполняла большую организационную и даже канцелярскую работу. Все эти годы она работала секретарем Козьмодемьянского отделения Общества краеведения. Руководство местного отделения ГПУ, учитывая слабое состояние ее здоровья, позволяло ей каждую весну и осень ездить на несколько дней к врачу в г. Горький.

Т.А.Крюкова работала в Козьмодемьянском музее в 1929—1931 гг. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в эти годы состоялось ее знакомство с Т.Е.Евсевьевым²⁵, который работал в Краснококшайске в Марийском научно-краеведческом музее. Это был крупный ученый-этнограф, фольклорист, краевед, музеевед, блестящий полевой исследователь, собиратель этнографического материала и коллекций, много времени он проводил в экспедиционных поездках, в частности в 1929 г. занимался сбором материала по традиционным видам охоты марийцев в разных кантонах области; в 1930 г. собирал марийские народные музыкальные инструменты для своего музея, выявлял исполнителей на них²⁶. Деятельность Крюковой в Козьмодемьянском музее и ее широкая эрудиция произвели на Евсевьева самое благоприятное впечатление. Нельзя исключать, что и приглашение в Центральный Марийский научно-краеведческий музей, о котором упоминает в своем письме Григорьев, было инициировано также Евсевьевым. Татьяна Александровна не приняла этого весьма лестного для молодой, по существу начинающей сотрудницы приглашения. И это решение было мудрым. Во-первых, нельзя было уходить из-под покровительства Григорьева; во-вторых, было жаль бросать так успешно начатое дело в Козьмодемьянске; в-третьих, подвергавшийся в печати критике Евсевьев 23 января 1931 г. был арестован и посажен в Йошкар-олинскую тюрьму²⁷. Последний случай не мог не вызвать у нее трагических воспоминаний обстоятельств ее собственного ареста и хождений по мукам... Можно предположить, учитывая ее активную деятельность в г. Козьмодемьянске и факт приглашения на работу в столицу республики, что она была знакома и с дру-

гими учеными, работавшими по этнографии марийцев: В.А.Мухиным, В.М.Васильевым, Н.И.Ивановым, Л.Я.Мендиаровым, М.Н.Сазоновым (Янтемиром).

В 1931 г. окончился срок ссылки, и Крюкова смогла вернуться в Ленинград. И хотя за годы ссылки Татьяна Александровна стала хорошим специалистом по этнографии народов Поволжья, в первую очередь марийцев, ей пришлось опять испытывать трудности с устройством на работу. По свидетельству ее сына, А.Г.Никитина, она вынуждена была какое-то время проработать в Кольской экспедиции, куда попала по рекомендации добрых людей. Только теперь, имея надежные рекомендации и профсоюзные документы, она могла пытаться получить работу в Ленинграде. С августа 1931 по август 1932 г. Крюкова состояла библиотекарем в библиотеке рабфака Ленинградского технологического института. Одновременно по договору она трудилась в Этнографическом отделе Русского музея в качестве внештатного сотрудника. Летом по поручению музея и Института по изучению народов СССР (ИПИИ) Татьяна Александровна выезжала в Марийскую автономную область. Как гласит удостоверение, подписанное заместителем директора Института Н.М.Маториным²⁸ и ученым секретарем К.В.Вяткиной²⁹, ей поручалось с 1 июля по 1 сентября 1932 г. вести сбор русского и марийского фольклорного материала. С этой задачей начинающая исследовательница-этнограф справилась успешно, что укрепило ее авторитет среди коллег-этнографов. Для музея ею была собрана этнографическая коллекция и ряд материалов, представляющих немалый научный интерес. 1 октября 1932 г. Крюкова была зачислена на должность научно-технического сотрудника первого отдела Этнографического отдела Русского музея. Эту дату сама Татьяна Александровна считала этапной в своей жизни: именно с этого времени она по основной профессии стала считать себя этнографом. Как всегда, Крюкова работала старательно, с полной отдачей сил и увлеченно, овладевая всеми видами деятельности в этнографическом музее. Лучше всего охарактеризовала службу Крюковой заведующая первым отделом Этнографического отдела Н.П.Гринкова³⁰ в своем отзыве от 10 декабря 1934 г.: «Т.А.Крюкова, работая в качестве научного сотрудника II разряда, вполне справляется со своей работой. На нее возложено по линии музейно-хранительской работы наблюдение за резервом³¹, включающим поволжские коллекции; резерв находится в полном порядке и вполне удовлетворительном состоянии. Экспедиционная работа т. Крюковой, проведенная в 1934 году в Коми-области, показала ее с самой хорошей стороны. Ею собрана весьма ценная коллекция по этнографии коми, являющаяся важным

дополнением к имеющимся коллекциям Отдела. Собранные материалы снабжены исчерпывающими комментариями. Научно-исследовательская работа г. Крюковой, идущая по линии изучения марийской орнаментики, показала в ней весьма вдумчивого и способного работника в этой области». Как становится очевидным из этого отзыва, Татьяна Александровна успешно осваивала все виды музейной работы и занималась научно-исследовательской темой. Уже с первых лет работы в музее она старалась широко изучать этнографию финно-угорских народов Поволжья. При этом надо иметь в виду, что все эти годы она вела научно-исследовательскую, музейно-хранительскую и собирательскую работу по разделу «Народы Поволжья» в качестве единственного работника в музее по этой специальности. Только в 1934 г. она побывала в двух научных командировках, проходивших в исключительно трудных условиях: выезжала в глухие охотничьи районы области Коми для сбора этнографических материалов, а также в Горьковский край и к ветлужским мари, где она успешно добывала необходимые для ее научно-исследовательской темы сведения, а также помогала восстановить научную ценность громадной коллекции в 700 предметов, хранившейся в музее. По заключению специалистов, командировки прошли исключительно успешно, благодаря им музей пополнился весьма ценными и необходимыми для экспозиционной и исследовательской работы материалами. В 1932—1933 гг. она состояла секретарем кружка «Музейное дело». В мае 1934 г. Этнографический отдел Русского музея был преобразован в Государственный музей этнографии (ГМЭ).

Рассматривая деятельность Крюковой в 1932—1934 гг. в Этнографическом отделе Русского музея, можно предположить, что она была довольно достигнутыми результатами. Но ведь всего несколько лет назад она готовилась к совсем другой работе, у нее тогда были другие научные интересы. Что она переживала в эти годы, трудно сегодня представить, но, вероятно, это были для нее довольно тяжелые времена.

Да и в Этнографическом отделе обстановка в те годы была напряженной. Все еще помнили, что 5 августа 1930 г. был неожиданно арестован и осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей по «академическому делу» его заведующий С.И.Руденко³². Вместе с коллективом Русского музея Крюковой пришлось пережить трагический 1933 год: в течение сентября—ноября были арестованы М.П.Грязнов, А.И.Зарембский, Д.А.Золотарев, Н.В.Исаченко, А.М.Колаковская, Б.Г.Крыжановский, Н.В.Малицкий, А.А.Миллер, Е.К.Мроз, П.И.Нерадовский, Н.П.Сычев, С.А.Теплоухов, Ф.А.Фиельструп, М.А.Фриде³³. Какие чувства

испытывала в эти дни Татьяна Александровна? Какие воспоминания эти аресты вызывали у нее? Наверное, нетрудно предположить. Поэтому на всякий случай Крюкова запасалась авторитетными отзывами ведущих специалистов о ее благонадежности, активности и трудолюбии. Так, 10 мая 1933 г. член-корреспондент АН СССР В.И.Срезневский³⁴ подписал следующий документ: «Гражданка Крюкова Татьяна Александровна, в течение 1½ года служившая в Библиотеке Академии наук СССР, известна мне как отличная и деятельная работница, всегда умеющая вносить в свой труд много активности и общественности и выполнять возлагаемые на нее обязанности в высшей степени отчетливо». Представляется, что это была жизнь в постоянном страхе. В декабре 1934 г. был убит руководитель ленинградских большевиков, член Политбюро ЦК ВКП(б) С.М.Киров. Начались высылки из Ленинграда «социально опасных элементов». Опасность все время бродила рядом, и беда в конце концов разразилась.

25 марта 1935 г. приказом директора ГМЭ П.И.Воробьева³⁵ Крюкова была уволена без точного указания причины. При этом директор прямо заявил одному сотруднику, явно в целях перестраховки, что он не знает Татьяну Александровну и не хочет брать на себя ответственность за нее, но что если Ф.Я.Кон поручится за ее политическую благонадежность и признает привлечение ее в 1928 г. по статье 58—11 Уголовного Кодекса случайным, не являющимся препятствием для ее работы в музее, то она будет восстановлена в своей должности как полезный и ценный для музея работник. Такой поворот побудил Крюкову обратиться 2 апреля к Ф.Я.Кону³⁶, который в то время заведовал музейным делом при Народном Комиссариате просвещения. В своем заявлении она написала: «Мое прошлое, а именно — административная высылка (в 1928 г.) на три года по месту жительства моих родителей в г. Козьмодемьянск, также не может и не должна служить причиной моего увольнения из Музея, так как за все эти семь лет ни в чем предосудительном замечена не была, за что вполне отвечаю. Все эти годы (не исключая и годов высылки) работала безукоризненно. Нельзя же ошибку юности карать всю жизнь; подобные действия можно расценивать только лишь как недостаточное доверие к мерам воздействия советской юстиции, тем более что со стороны соответствующих органов НКВД ни при паспортизации 1933 года, ни ныне, когда Ленинград очищен от всех бывших людей, ни в отношении меня, ни в отношении моих родителей никаких репрессивных мер не последовало. Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу дать ход моему делу, произвести расследование о причинах

моего увольнения и вынести справедливое решение, восстановив меня на службу на занимаемой мною должности научного сотрудника Музея по изучению и исследованию народностей Поволжья и тем дать мне путевку в жизнь, т.е. дать возможность участвовать в том грандиозном социальном строительстве, которое идет сейчас быстрыми шагами в нашей великой родине трудящихся, в близкой моему сердцу области — музейной работы». Крюкова в своих письменных заявлениях клятвенно заверяла: «Как за время моей административной высылки, так и за все время службы в Музее никаких новых поводов заподозрить мою благонадежность по отношению к Советской власти я решительно не давала, и наоборот, в той области социалистического строительства, в которой я работала все семь последних лет, я отдавала ей все свои силы и все свои знания, не имея другой жизни, других интересов».

Для того чтобы оперативно решить дело, в Москву для переговоров с Коном из Ленинграда выезжала мать Крюковой Евгения Павловна, хорошо знавшая его лично. Старый большевик и добрый знакомый семьи и на этот раз помог отвести угрозу, нависшую над Татьяной, которой он уже, очевидно, помогал через А.В.Григорьева. Но на этот раз требовалась его личная гарантия, и она не только была получена и помогла благополучно закрыть «дело», но и обезопасила ее жизнь в дальнейшем: ведь авторитет Кона оставался непоколебленным вплоть до его кончины в 1941 г. За пересмотр неоправданного решения об увольнении Татьяны Александровны смело высказывались и другие уважаемые люди, например персональная пенсионерка, знавшая семью Крюковых еще по Минусинску, Е.И.Тырнкова. Она, в частности, писала: «Узнав в настоящее время о снятии с работы дочери Крюкова, Татьяны Александровны, которую я знаю за последние годы очень близко как хорошего советского работника, с энтузиазмом и горячностью относящегося к своему делу, я позволяю себе считать подобное увольнение недоразумением. Указанные выше данные о родителях Т.А.Крюковой и мое личное знакомство с ней заставляют меня писать настоящее заявление и просить особо внимательного подхода к выпадом против нее».

Даже в те годы активная сплоченная борьба против произвола могла дать положительные результаты. Уже 30 апреля 1935 г. Крюкова была восстановлена на работе в музее, правда на этот раз в массовом отделе. 6 апреля 1938 г. в ГМЭ была создана секция «Народы Поволжья», в конце 1940 г. преобразованная в отдел Поволжья и Приуралья. С первых дней там трудилась старший научный сотрудник Крюкова³⁷. В музее было много самой разнообразной работы, и она никогда не отказывалась от дела.

Ситуация в ГМЭ оставалась довольно сложной. В 1937 г. были арестованы П.И.Воробьев, В.А.Казакевич³⁸, Н.Г.Таланов³⁹ и несколько других сотрудников, причем некоторые из них по доносу коллег. Музей переживал тяжелые, трагические времена. Обо всем этом знала Татьяна Александровна и переживала их вместе с коллективом. Но были тогда и другие обстоятельства в ее жизни. В ГМЭ она познакомилась с молодым сотрудником Григорием Александровичем Никитиным. Первоначально их сближали общие интересы на работе: он тоже занимался изучением этнографии народов Поволжья. Потом они полюбили друг друга и решили объединить свои судьбы. Как верующие люди, они венчались: 30 мая 1936 г. этот торжественный обряд совершился в лицейской Знаменской церкви в Детском Селе (потом г. Пушкин). 14 августа 1937 г. у них родился сын, названный в честь деда Александром.

В мае 1941 г. родители отвезли сына на лето в Козьмодемьянск на Волгу и оставили его на попечение бабушки и дедушки. Сами вернулись в Ленинград, опять начались рабочие будни. Но вот наступило 22 июня, грянула война, а вскоре Ленинград оказался в блокаде. Крюкова вместе с оставшимися в городе сотрудниками ГМЭ оберегала коллекции и здание от налетов вражеской авиации. Л.П.Потапов⁴⁰ в беседе со мной рассказывал, как он, Татьяна Александровна, Григорий Александрович вместе встречали новый, 1942 год: сварили столярный клей и ели его, слушая принесенные им пластинки с записью музыки Бетховена. Приходилось дежурить на крыше, чтобы сбрасывать в случае необходимости зажигательные бомбы. Однажды Крюкова и Потапов стояли на металлических стропилах купола Мраморного зала ГМЭ, когда туда угодила фугасная бомба и взорвалась. Чудом остались живы. Во время налета фашистской авиации и бомбежки ударом взрывной волны Татьяна Александровна была контужена и вынуждена была лечиться. Крюкова тяжело переживала блокаду. В феврале 1942 г. умер В.Л.Комарович. 17 сентября того же года скончался Г.А.Никитин. Он не был призван в армию по состоянию здоровья. И хотя во второй половине 1942 г. бремя блокады несколько ослабело, мучившая его астма оборвала его жизнь. Перед смертью он дал обет: если выживет, то станет священником, продолжит потомственную традицию. Но этому желанию не суждено было осуществиться... Похоронив мужа на Смоленском кладбище, Крюкова по приглашению Марийского музея уехала в Краснококшайск. 15 октября 1942 г. она уволилась из ГМЭ по состоянию здоровья и в связи с эвакуацией⁴¹.

Вернулась Татьяна Александровна в Ленинград в 1944 г. и 9 сентября была назначена заведующей созданным ею отделом

Поволжья ГМЭ. Одновременно она осуществляла методическое руководство отделом Прибалтики. Вскоре ее ввели в состав Ученого совета ГМЭ. Интересы музея и прежде были близки ей, сейчас восстанавливались экспозиции, и работы было особенно много. Во всех видах музейной деятельности она активно сотрудничала с коллегами. Большая работа была проведена ею по спасению коллекций во время наводнения в октябре 1955 г. и по ликвидации его последствий; за этот самоотверженный труд 19 октября ей была объявлена благодарность. Она никогда не отказывалась от поручений дирекции, если музею была необходима ее помощь. В 1962 г. Крюкова была назначена материально ответственным лицом за хранение музейных экспонатов из драгоценных металлов. Неоднократно исполняла обязанности заместителя директора музея по научной работе. Много сил требовал и собственный отдел: росло количество коллекций, увеличивался штат сотрудников, большие задачи стояли не только в области учетно-хранительской и собирательско-экспозиционной деятельности, но и в сфере развития научных исследований. С 1 апреля 1965 г. она — заведующая отделом Поволжья и Прибалтики. В 1977 г. ее отдел был преобразован в отдел Поволжья и Приуралья, и приказом директора музея от 15 ноября 1977 г. Татьяна Александровна была поставлена во главе нового отдела. Она оставалась его руководителем вплоть до своей кончины. Многие сотрудники ГМЭ, еще и сегодня работающие в нем, прошли школу музейной работы у Крюковой и с благодарностью вспоминают ее. Среди ее учениц, которых она учила искусству музейной работы, которых пестовала в экспедициях, — Е.Н.Котова, Л.М.Лойко, А.Ю.Заднепровская.

За время работы в ГМЭ Крюкова участвовала в 35 экспедициях; для музея было собрано 3200 предметов, составивших 57 коллекций, характеризующих культуру и быт различных народов СССР⁴². Впервые она вынуждена была заниматься экспедиционной и собирательской работой самостоятельно в Козьмодемьянске. В Этнографическом отделе Русского музея, а потом в ГМЭ ее наставницей была Н.П.Гринкова, под руководством которой она трудилась первые годы пребывания в Ленинграде, ездила в экспедиции, в том числе в 1936 г. в Воронежскую область. Собранные тогда Татьяной Александровной научные материалы в дальнейшем легли в основу ее первой крупной научной работы.

Т.А.Крюкова была наделена великим даром собирателя. Обладая мягким характером и способностью расположить к себе собеседника, она везде была желанным гостем. Она легко находила общий язык с женщинами, и старухи охотно открывали ей свои сундуки, показывая тщательно сохраняемые старые вещи. Опыт-

ная музейщица, Крюкова простым языком рассказывала о Ленинграде, о своем родном музее, о его вещевых собраниях, которые выставлены на экспозициях и которыми восхищаются посетители музея. Красочно повествовала она о своих поездках, о знакомствах в экспедициях, об истории собирания наиболее интересных предметов... Проходило какое-то время, и даже самые несговорчивые хозяйки — владелицы интересных вещей сдавались и соглашались продать или даже подарить их музею.

Практически из каждой экспедиции Татьяна Александровна привозила «обильный урожай», заполняя имеющиеся в собраниях музея лакуны. Этнографы часто сетуют, что быстро текущее время, модернизация неумолимо теснят традиционную культуру, выходят из бытового употребления предметы, которые веками переходили из поколения в поколение. Это прекрасно понимала Крюкова и старалась обогатить музейные собрания такими предметами. Подводя итоги одной из своих экспедиций, она писала в 1965 г. в газете «Удмуртская правда», что в адрес ГМЭ послано 14 вещевых посылок, содержащих 120 предметов: комплекты удмуртской и бесермянской национальной одежды, предметы народной техники, вещи, характеризующие внутреннее убранство современного жилища (ковры, орнаментированные полотенца, покрывала, мебель и т.д.)⁴³. Она стала одним из самых опытных собирателей музея. Ее школу опытного полевика-этнографа проходили как сотрудники ГМЭ, так и местные этнографы-музейщики, которых она охотно привечала в своих экспедициях.

Т.А.Крюкова обладала колоссальным опытом музейной экспозиционной работы. Как лихорадочно быстро пришлось ей его приобретать! В первый год работы в Козьмодемьянске ею был подготовлен обширный доклад о принципах построения экспозиции в местном музее; доклад был не только одобрен, но и опубликован в Москве литографическим способом (3 п. л.)⁴⁴. В ГМЭ ею и при ее участии было организовано свыше 10 постоянных экспозиций и временных выставок. Приказом директора музея от 4 октября 1939 г. Крюкова была отмечена за проявленную активную работу и оперативность в создании выставки «Образцы народного искусства чувашей и марийцев». Среди ее выставок — «Русское население черноземных областей РСФСР», «Ленинградская область и Карелия», «Первая среди равных» и др.

В целях сбора материалов для новых экспозиций и выставок Крюкова выезжала в различные районы страны. Так, в 1954 г. она была командирована в Ярославскую и Костромскую области: для экспозиции ГМЭ «Русские» нужен был новый материал. По

этой же причине работала в Москве на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства. И повсюду находила недостающий музею этнографический материал, в том числе по современности. 4 октября 1957 г. Татьяне Александровне была объявлена благодарность за разработку экспозиционного плана постоянной выставки «Русские». Целиком на ее плечи легла подготовка новой фундаментальной экспозиции «Народы Поволжья», открытой в 1964 г. Даже простое перечисление названий экспозиций и выставок, в создании которых она принимала участие, красноречиво свидетельствует о том, что в лице Крюковой ГМЭ имел многоопытного экспозиционщика, которому под силу было решить проблемы создания выставки на любую тему, не говоря уже о родном ей Поволжье.

За годы работы в ГМЭ Крюкова стала не только первоклассным музейным работником, но и признанным авторитетом в области исследования этнографии народов Поволжья. Яркое и полное представление о том, насколько она была разносторонним и самобытным исследователем, дает список ее печатных трудов⁴⁵. Правда, активно печататься в научных изданиях Татьяна Александровна стала только в послевоенный период. Даже материалы экспедиции 1936 г. она осмелилась опубликовать лишь в 1947 г.⁴⁶ Но и предвоенные годы не были периодом простоя. Это подтверждается ее последующей издательской деятельностью, одна за другой выходили монографии: в 1951 г. — «Марийская вышивка» (еще в мае 1941 г. было вынесено постановление Совета народных комиссаров Марийской АССР «Об издании альбома марийских вышивок» — красочного альбома марийских вышивок и орнамента — к 20-летию юбилею республики, но из-за начала войны не было выполнено), в 1956 г. — «Материальная культура марийцев XIX века», в 1960 г. — «Чувашское народное изобразительное искусство», в 1968 г. — «Мордовское народное изобразительное искусство. Вышивка, шитье бисером, узорное тканье, резьба по дереву», в 1973 г. — «Удмуртское народное изобразительное искусство». В них впервые столь полно обобщен накопленный наукой и собранный лично автором громадный, исключительный по ценности этнографический материал. Все эти издания были благожелательно встречены научной общественностью в центре и на местах. Работы Крюковой печатались в самых авторитетных изданиях ИЭ АН СССР — журнале «Советская этнография» и «Сборнике Музея антропологии и этнографии». Когда ИЭ готовил монументальную серию «Народы мира», то в качестве автора статьи о марийцах приглашена была именно Крюкова. По существу данная статья, опубликованная в томе «Народы Европейской части СССР» (т. II. М., 1964,

с. 510—547) явилась минимonoграфией об этом народе. Отдельный блок ее работ — путеводители по различным выставкам ГМЭ. Каждый исследователь истории этнографической науки и музейного дела в нашей стране с благодарностью неизменно обращается к классическому труду Татьяны Александровны «Государственный Музей этнографии народов СССР», изданному ею в 1971 г. в соавторстве с Е.Н.Студенецкой. Как авторитетный исследователь-музеевед, она принимала участие в 1964 г. в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук в Москве и в 1970 г. в Конгрессе финно-угорских народов в Таллине. Она была неизменным участником ежегодных отчетных экспедиционных сессий, организуемых Отделением истории АН СССР.

Обширные знания Крюковой находили спрос и в высшей школе. Так, в 1945/46 учебном году она читала курс общей этнографии студентам Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена, в 1946—1948 гг. по приглашению заведующего кафедрой этнографии восточного факультета ЛГУ проф. И.Н.Винникова она руководила полевой практикой студентов-этнографов, будучи оформленной на факультете в качестве штатного преподавателя, в 1959—1961 гг. возглавляла полевую практику студентов Марийского педагогического института, в 1971/72 учебном году вела курс региональной этнографии «Поволжье» по приглашению заведующего кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ проф. Р.Ф.Итса и т.д. Совершенно невозможно учесть, сколько курсовых и дипломных работ студентов-этнографов было выпущено под ее руководством, сколько раз выступала на их защитах оппонентом, сколько написала отзывов, дала консультаций.

Большую научно-консультационную работу Татьяна Александровна вела по линии министерств культуры РСФСР и СССР. Я смогу назвать только некоторые ее выезды. Так, в 1955 г. она оказывала научно-методическую помощь Костромскому областному музею, в 1956 г. была командирована в Горький на совещание работников краеведческих музеев, в 1957 г. выезжала в Казань для оказания помощи Татарскому государственному музею; за ее работу по перестройке этнографического раздела экспозиции руководство этого музея объявило ей благодарность. В 1965 г. Крюкова участвовала в Йошкар-Оле во всесоюзной сессии, посвященной происхождению марийского народа. В 1970 г. на совещании в Новосибирске она прочитала доклад «Материальная культура как источник для изучения истории народов Приуралья». В 1958—1972 гг. Крюкова работала внештатным старшим научным сотрудником Научно-исследовательского институ-

Т.А.Крюкова. 1960.

та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР по сектору истории, оказывала большую консультационную помощь сотрудникам института. Это только некоторые факты, официально зафиксированные в ее личном деле, а сколько было бесед с приезжавшими из Поволжья научными работниками, вузовскими и школьными преподавателями, музейными сотрудниками, студентами. В ее отчетах ежегодно присутствовала строчка: «Проводила консультации по вопросам культуры и быта народов Поволжья».

В 1948 г. Татьяна Александровна была избрана действительным членом Всесоюзного географического общества (ВГО). Как секретарь отделения этнографии, она стала верным помощником председателя отделения проф. С.И.Руденко. Заседания отделения этнографии ВГО проходили всегда в деловой, доброжелательной обстановке, доклады читались на самые различные темы. Здесь с докладами и в дискуссиях выступали Н.И.Гаген-Торн, Е.П.Орлова, Г.М.Василевич, Л.Н.Гумилев, М.В.Воробьев, И.Н.Уханова, Е.В.Иванова, А.А.Шенников и многие другие. На заседаниях всегда было интересно, они собирали многочисленную аудиторию, и в этом большая заслуга руководителей отделе-

ния этнографии Руденко и Крюковой, которые сами задавали тон: выступали с докладами, участвовали в жарких спорах. Как многие научные сотрудники в те годы, Крюкова активно работала в нескольких всесоюзных добровольных обществах — «Знание» (с 1963 г.), «Любителей книги» (с 1975 г.) и др. Тогда это считалось естественным и необходимым — везде быть активным, не отставать от передовых.

За активную научно-исследовательскую, музейную, общественную деятельность Крюкова, помимо многочисленных благодарностей и денежных премий, удостоивалась Почетных грамот Комитета культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР (1947 г.), Президиума Верховного Совета Марийской АССР (1951 и 1958 гг.), Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры (1957 г.), нагрудного знака «Отличник культпросветучреждений Министерства культуры СССР» (1959 г.) и др. Наиболее памятными и дорогими были медали «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Она была удостоена почетных званий Заслуженного работника культуры Марийской АССР и Чувашской АССР, лауреата Государственной премии Удмуртской АССР.

Высоко ценили заслуги Татьяны Александровны и в родном музее. 1 октября 1947 г. исполнилось 15 лет ее работы в этом учреждении, и 6 октября директор ГМЭ Е.А.Мильштейн в связи с памятным событием издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «За годы работы в музее Крюкова Татьяна Александровна проявила себя как основной научный работник, положивший много труда на организацию Отдела этнографии народов Поволжья, на собирание его коллекций, ведущий научно-исследовательскую и полевую работы в области этнографии народов Поволжья. Т.А.Крюкова известна нам как инициативный, честный и преданный делу человек. В день 15-летия работы в музее выношу благодарность Т.А.Крюковой, поздравляю и желаю в дальнейшем многих лет плодотворной работы в нашем музее».

Будучи общепризнанным специалистом по этнографии народов Поволжья и музееведению, Татьяна Александровна никогда не ставила вопрос о защите диссертации. И в том, что она после защиты диссертации по совокупности работ была удостоена в 1972 г. историческим факультетом Новосибирского университета ученой степени кандидата исторических наук, большая заслуга акад. А.П.Окладникова — организатора этой защиты. В характеристике руководства ГМЭ, выданной ей в связи с защитой диссертации, справедливо констатировано: «Высокая научная ква-

лификация, исследовательский опыт, богатая эрудиция и бесспорный авторитет среди специалистов давно сделали Т.А.Крюкову достойной не только степени кандидата исторических наук, но и более высокой ученой степени». На защиту был вынесен научный доклад, обобщающий основные положения всего написанного ею, под названием «Материальная культура как источник для изучения истории народов Приуралья и Поволжья». Оппоненты и ведущая организация дали самые благоприятные отзывы. Присвоение Крюковой ученой степени кандидата исторических наук явилось скромным и довольно запоздалым признанием ее многогранных научных заслуг как собирателя коллекций, исследователя, популяризатора науки, опытнейшего музейного работника. Ее вклад в изучение этнографии финно-угорских народов Поволжья сделал ее имя широко известным в нашей стране и за рубежом.

Невольно все-таки задаешься вопросом: почему это радостное событие произошло по существу в конце жизни Татьяны Александровны? В чем здесь дело? Ведь она всегда много и плодотворно работала. Сыграла роль ее скромность? Несомненно, она была исключительно скромна и сама никогда не подчеркивала своих научных заслуг. Очевидно, влияло и то, что до начала 70-х годов защита диссертаций по этнографии проводилась только в Москве. Ехать в столицу и организовывать свою защиту — это было не в характере Татьяны Александровны. Думаю, что ситуацию осложнило еще одно существенное обстоятельство. По действовавшему тогда положению, право на защиту по совокупности работ надо было получать в Высшей аттестационной комиссии в Москве; оно давалось в порядке исключения и с большим трудом. Перед защитой надо было сдавать различные сложные экзамены. То, что потом с изящной легкостью осуществил влиятельный академик Окладников, в обычной ситуации выполнить было нелегко. Все это заставляло, несмотря на всеобщее признание, отодвигать даже мысль о защите диссертации. Тем более что в жизни Татьяны Александровны в послевоенное время еще оставалось много сложных проблем. Она одна растила и воспитывала сына. На ее руках были отец, получавший ничтожную пенсию (умер в 1950 г.), мать — совсем без пенсии (умерла в 1960 г.); необходимо было периодически помогать другим родственникам. Жить приходилось на одну зарплату старшего научного сотрудника музея, а она, как известно, была невысокой. Поэтому приходилось каждый день решать непростые жизненные проблемы, что отнимало много физических сил и душевной энергии. И все это при колоссальной занятости на работе в музее и отделении этнографии ВГО.

Еще в 1951 г. в издательстве АН СССР вышла в свет монография Татьяны Александровны «Марийская вышивка», на основе которой вполне могла быть защищена кандидатская диссертация. Но в 1953—1954 гг. в журнале «Советская этнография» были опубликованы разгромные статьи по поводу «антимарксистских извращений» в изучении первобытности и традиционной одежды в связи с модной в те годы критикой взглядов Н.Я.Марра (после осуждения марризма в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»), в частности его «труд-магической теории», оказавшей, по мнению авторов этих статей, пагубное влияние на исследование ряда этнографов, в том числе Крюковой⁴⁷. Неизвестно, какие последствия для Татьяны Александровны и ее коллег могли бы иметь эти обвинения, если бы вскоре в органе ЦК КПСС газете «Правда» не появилась статья «Вульгаризаторы в позе марксистов», и редакция журнала «Советская этнография» тут же признала свои ошибки и обязалась не допускать их впредь⁴⁸. Можно предполагать, что вся эта история оказала определенное влияние на дальнейшее поведение Крюковой, на обострение у нее чувства осторожности. Прежний опыт напоминал ей о необходимости уйти в тень, чтобы не привлекать к себе внимания критиков — хранителей «чистоты теории» — и не вызывать зависти у тех, кто всегда готов был поддержать этих критиков.

Мне кажется, что на поведение Т.А.Крюковой немалое влияние оказывало еще одно обстоятельство, о котором она не только не забывала, но вспоминала с особой тревогой, когда требовалось заполнить какую-то анкету, написать автобиографию, ответить на вопрос: есть ли родственники за границей? Я уже упоминал, что у Татьяны Александровны был старший брат. Борис Александрович после окончания гимназии в Минусинске в дальнейшем поступил на военную службу, этот выбор заставила сделать Первая мировая война. Он закончил Александровское военное училище, получил офицерский чин, воевал во время Гражданской войны на стороне Колчака. Из занимаемого красными войсками Владивостока попал в Японию, а оттуда в США. Там он получил высшее образование, совершил ряд крупных экспедиций, стал выдающимся ботаником. После окончания Второй мировой войны он пытался установить контакт с родителями и сестрами, предлагал встречу в Швеции. Но начавшаяся «холодная война» сделала невозможной не только встречу, но даже переписку. В 1962 г. Борис Александрович написал письмо в Козьмодемьянск, чтобы узнать о судьбе родных. Родителей уже не было в живых, а Татьяна Александровна, опасаясь за свою судьбу и особенно за будущее сына-геолога, не только не всту-

пала в переписку с братом, но всячески замалчивала факт его пребывания за границей. Б.А.Крюков умер в 1983 г.⁴⁹. Как представляется, «тень брата Бориса» заставляла Татьяну Александровну во многих жизненных ситуациях быть предельно осторожной и предусмотрительной. Тот, кто пережил эти годы, в полной мере поймет ее и посочувствует ей.

Помогали жить Крюковой опять-таки любимая работа и друзья — старые и новые. Ее общительность была поразительной. Сын Татьяны Александровны А.Г.Никитин рассказывал мне, как во время гастролей в Ленинграде в 1924 г. выдающегося немецкого актера албанского происхождения Александра Моисси она познакомилась с ленинградским физиком С.Э.Фришем (1899—1977) и его супругой, а потом дружила с ними всю жизнь⁵⁰. Легендарна ее преданность В.Л.Комаровичу, с которым она познакомилась во время учебы в Нижегородском университете. Татьяна Александровна дружила с ним в Ленинграде, ухаживала за ним, умирающим во время блокады, похоронила его, сохранила в память о нем его архив, обработала эти материалы и сдала в Институт русской литературы АН СССР. Никакие жизненные невзгоды не помешали ее дружбе с Д.С.Лихачевым и его семьей. Среди ее друзей также были московский археолог Н.Н.Воронин, ленинградский археолог П.Н.Третьяков и его супруга, коллега по моему В.В.Романовская, поэтесса А.А.Ахматова и ее сын — историк, географ и этнограф Л.Н.Гумилев, антрополог, этнограф и археолог С.И.Руденко, московский этнограф К.И.Козлова и множество других людей в разных городах страны. Эта любовь к людям, дружба с ними помогали ей в ее многотрудной жизни.

Как-то в перегруженном ленинградском общественном транспорте Крюкову сильно толкнули в грудь, появились боли, на которые она не обращала внимания. В эти годы она увлеченно работала над монографией о марийской национальной одежде, но закончить успела только одну, но очень важную главу — «Локальные группы марийцев по материалам одежды». Болезнь все-таки мешала, боли усиливались. А когда она обратилась к врачам, оперировать уже было невозможно. По протекции Д.С.Лихачева ее положили в больницу АН СССР, где она умерла от рака груди 14 апреля 1978 г. Отпевали ее в Князь-Владимирском соборе. Проводить Татьяну Александровну в последний путь собралось много народа. Это были самые разные люди, но всех их привела сюда любовь к покойной, благодарность за все доброе, что она для них сделала. На Смоленском кладбище, где покоится прах ее родственников и мужа, хоронить почему-то не разрешили. Свое упокоение она нашла на Парголовском кладбище.

Время неумолимо движется вперед. Приближается столетие со дня рождения Татьяны Александровны, и мы с большой признательностью вспоминаем ее как великолепного исследователя, своими трудами вместе с другими советскими учеными заложившего основы изучения этнографии народов Поволжья, как талантливого собирателя музейных коллекций, создателя этнографических экспозиций, с которыми познакомились миллионы посетителя музея, как прекрасного, доброго, принципиального человека.

¹ В основу статьи положены материалы, хранящиеся в архиве РЭМ (фонд Т.А.Крюковой). Все цитаты, встречающиеся в тексте без сносок, взяты из документов этого (пока еще не обработанного и не описанного) фонда. О Т.А.Крюковой подробнее см.: *Заднепровская А.Ю.* Собирательская и исследовательская работа Т.А.Крюковой по этнографии народов Поволжья (к 80-летию со дня рождения). — Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Сборник научных трудов. Л., 1984, с. 122—128; *Айплатов Г.Н.* Татьяна Александровна Крюкова (к 90-летию со дня рождения). — Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994, № 4, с. 171—172; *Сенеев Г.А.* Т.А.Крюкова и вопросы этнографии марийцев (к 95-летию со дня рождения). — Финно-угроведение. 1999, № 4, с. 111—114; *он же.* Вклад Т.А.Крюковой в этнографическое изучение марийского народа. — Марийский археографический вестник. 2000, № 10, с. 61—82; Личность и творчество. К 95-летию со дня рождения Т.А.Крюковой. Сборник статей. СПб., 2000.

² Комарович Василий Леонидович (1(13) января 1894 г. — 17 февраля 1942 г.) — известный советский литературовед и фольклорист. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского государственного университета и был оставлен при кафедре русской литературы для подготовки к профессорскому званию. В 1920—1924 гг. читал лекции сначала в Нижегородском университете, а затем в Институте народного образования. В 1924—1928 гг. вел курс по Ф.М.Достоевскому в ЛГУ и в Институте истории искусств Наркомпроса РСФСР. В 1928 г. полностью перешел на научно-исследовательскую работу, трудился в Институте языка и мышления АН СССР. В июне 1928 г. был арестован и проходил по делу членов «Братства имени преподобного Серафима Саровского». После освобождения с 1934 г. творчески был связан с Отделом древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. О нем см.: *Крюкова Т.А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича. — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.—Л., 1960, т. XVI, с. 583—588; *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1997, с. 491—493.

³ *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 146.

⁴ Там же, с. 153.

⁵ Видимо, речь идет об А.Л.Петрове: Петров Алексей Леонидович (1859—1932) — известный российский историк-славист. После окончания в 1880 г. Петербургского университета преподавал в средних учебных заведениях, на Высших женских (Бестужевских) курсах; профессор кафедры славянской филологии и истории Петербургского университета. С 1922 г. постоянно жил и работал в Праге и Будапеште, сохраняя советское гражданство, что позволило послу СССР в Чехословакии А.Я.Аросеву на похоронах А.Л.Петрова в Праге сказать, что он «был одним из тех ученых, которые помогали строить советскую культу-

ру». Подробнее о нем см.: *Вялова С.О.* Петров Алексей Леонидович. — Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 265—266.

⁶ Подробнее об этом см.: Русские в Праге. 1918—1928 г. Ред.-сост. С.П.Постников. Прага, 1928; *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; *Кишкин Л.С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы). — Славяноведение. 1995, № 4, с. 17—26; *он же.* Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920—1930-е годы). — Там же. 1996, № 4, с. 3—10; *он же.* Русская эмиграция в Праге: поэты, прозаики, мемуаристы (1920—1930-е годы). — Там же. 1998, № 4, с. 43—51; *Поспишил И., Зеленка М.* Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого. — Там же, с. 52—59.

⁷ Флоровский Георгий Васильевич (1893—1979) — до революции приват-доцент Новороссийского университета в Одессе. С 1920 г. преподавал в Праге, позднее в США. В 1980 г. в Москве издан его труд «Из прошлого русской мысли».

⁸ Лаппо Иван Иванович (1869—1944) — выпускник Петербургского университета, профессор Юрьевского университета. С 1921 г. жил и работал в Праге, с 1932 г. — в Каунасе. О нем см.: Лаппо Иван Иванович. — Славяноведение в дореволюционной России, с. 217.

⁹ Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — профессор философии Московского и Петербургского (Петроградского) университетов. В 1922—1945 г. работал в Праге и Братиславе, с 1945 г. — в США. В 1991 г. в журнале «Вопросы философии» (№ 10—12) опубликована работа Н.О.Лосского «Воспоминания. Жизнь и философский путь».

¹⁰ Андреевский (Андриевский) Иван Михайлович (1894—1976) — филолог, историк церкви, врач-психиатр, педагог. Учился на философском отделении Парижского университета, в Петроградском психоневрологическом институте, в 1921 г. окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Петроградского университета. С 1923 г. у него дома начал функционировать кружок литературного и религиозно-философского направления, в котором принимали участие преимущественно его ученики. Его знакомый А.Ф.Ильин-Женевский об этом вспоминал: «Большой поклонник Толстого и Достоевского, он воспринял от них полуанархическое, полухристианское мировоззрение, окутанное дымкой некоторого пуританства и, я бы сказал, подвижничества <...> Он был признанным вождем своего кружка, некоторые представители которого являлись настоящими его апостолами». В 1928 г. он был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, срок отбывал на Соловках и на строительстве Беломоро-Балтийского канала. После досрочного освобождения в середине 30-х годов работал в Новгороде как врач-психиатр. Во время оккупации, по некоторым сведениям, сотрудничал с немцами, затем оказался сначала в Германии, а позднее в США, где под именем И.М.Андреева преподавал в Джорданвиле в духовной семинарии, издавал свои труды по богословию, русской литературе, истории церкви, психологии и др. Подробнее о нем см.: *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992, с. 459—460; *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 171—185, 396.

¹¹ *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 172.

¹² Юдина Мария Вениаминовна (1899—1970) — выдающаяся советская пианистка, дружила со многими поэтами, писателями, философами, историками. За свои религиозные и эстетические убеждения неоднократно увольнялась с работы, подвергалась гонениям. О ней подробнее см.: Мария Юдина. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978; Невельский сборник. Вып. 3. СПб., 1998 (сборник посвящен М.В.Юдиной).

¹³ Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975) — известный советский литературовед, теоретик искусства, фольклорист, философ. Основные работы: Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. М., 1972; Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

¹⁴ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 171—172.

¹⁵ Подробнее о деятельности митрополита Сергия в 20—30-е годы см.: Богословские труды. Т. 34. Юбилейный сборник. К 120-летию со дня рождения Святейшего Патриарха Алексия I. К 80-летию восстановления Патриаршества. М., 1998.

¹⁶ Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 175.

¹⁷ Лященко Аркадий Иоакимович (1871—1931) — советский славяновед, историк, литературовед, фольклорист, библиотековед. С 14 января 1928 г. член-корреспондент АН СССР по ряду русского языка и словесности Отделения гуманитарных наук. Летом 1926 г. как секретарь Славянской комиссии АН СССР и заведующий Славянским отделением Библиотеки Академии наук (БАН) А.И.Лященко побывал в Чехословакии в командировке для налаживания обмена изданиями между АН СССР и научными учреждениями этой страны. Если вспомнить, что в это время в Праге находилась Т.А.Крюкова, вполне можно предположить, что они познакомились там и поддерживали отношения после ее возвращения в Ленинград. В свете этого отнюдь не случайным является поступление Крюковой на работу именно в БАН. Об А.И.Лященко подробнее см.: Перетц В.Н. Памяти Аркадия Иоакимовича Лященко. — Труды Института славяноведения АН СССР. Л., 1932, т. 1, с. 354—376.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Лихачев Д.С. Избранное. Воспоминания, с. 177—180.

¹⁹ Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 31 марта 1998 г., хранится в архиве автора.

²⁰ Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 29 июня 1999 г., хранится в архиве автора.

²¹ Вукотич Наталия Алексеевна (1867—?) — помощник библиотекаря I отделения Императорской Библиотеки АН с 1912 г., старший библиотекарь БАН. Уволена в ноябре 1930 г. по сокращению штатов.

²² Справка управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области от 31 марта 1998 г. В тексте ответа на запрос говорится о высылке Т.А.Крюковой в г. Минусинск, но к тому времени местом жительства родственников ее уже был г. Козьмодемьянск.

²³ Подробнее об А.В.Григорьеве (1891—1961) см.: Кудрявцев В.Г. Александр Владимирович Григорьев. Документы. Статьи. Письма. Воспоминания. Йошкар-Ола, 1992. Сам А.В.Григорьев в дальнейшем был репрессирован. В 1938 г. он был арестован по ложному обвинению, осужден и освобожден только через восемь лет. Реабилитирован 16 июня 1954 г. В 1966 г. Музею в г. Козьмодемьянске вернули имя его основателя.

²⁴ Текст письма А.В.Григорьева, а также некоторые другие материалы получены благодаря помощи директора Козьмодемьянского художественно-исторического музея им. Григорьева Н.В.Просвирнина, за что приношу ему сердечную благодарность. Об активной позиции А.В.Григорьева в трудоустройстве Т.А.Крюковой в Козьмодемьянске ярко свидетельствуют также два его письма от 24 января 1930 г., адресованные в Президиум Козьмодемьянского кантонного исполкома и руководителям Марийской автономной области. Во втором письме, в частности, говорится: «Мною рекомендована для работы в Козьмодемьянском Музее моего имени т. Крюкова Т.А. Очень умная, талантливая, энергичная, молодая работница с большим научным багажом. Происшедшее недоразумение с высылкой из Ленинграда из Академии наук было плодом не злой политики, а

молодого безудержного желания все знать, все видеть — почему она и бегала по всяким научным кружкам профессоров и академиков, оказавшихся (потом как выяснилось) нашими противниками. Я ее знаю хорошо и отвечаю за нее. Отец ее — лесничий Ал.Крюков скрывал и поддерживал в Минусинских краях Феликса Кона, Ленгника и ряд других партийцев (в подпольные и ссыльные времена), о чем имеет блестящие отзывы. В течение почти года она провела в Музее большую, прямо огромную научно-исследовательскую работу по постановке Музея на настоящие рельсы: изучение нашего края с экономической, бытовой и этнографической стороны, составление (бесплатно) каталога и письменный доклад (научно разработанный). Все это заставляет ее поставить в ряды лучших бойцов на фронте культурной революции в нашем крае и всемерно содействовать ей по оформлению себя в профсоюзной и служебной линии, в поездках по Марийской Автономной области (хорошо ее знает и Краснококшайский музей, который приглашал ее к себе). Моя убедительная просьба помочь ей». Благодарное поведение А.В.Григорьева и сегодня вызывает восхищение. Он с завидной настойчивостью и упорством целеустремленно делал все, чтобы бескорыстно помочь молодой девушке, попавшей в беду. Он смело брал ответственность за ее поведение на себя. И его борьба увенчалась успехом. Как не вспомнить слова поэта «Россия — мать! Когда б таких людей ты иногда не послала миру, заглохла б нива жизни».

²⁵ Евсеев (Евсеев) Тимофей Евгеньевич (1887—1937) — марийский ученый, создатель Марийского научно-краеведческого музея. Подробнее о нем см.: Краевед Т.Е.Евсеев. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1988; *Сануков К.Н.* Тимофей Евсеев: трагические страницы биографии. — Марийский археографический вестник. 1995, № 5, с. 77—98; *Сенеев Г.А.* Тимофей Евгеньевич Евсеев (Евсеев). К 110-летию со дня рождения. — Там же. 1997, № 7, с. 203—205.

²⁶ *Сенеев Г.А.* Деятельность Т.Е.Евсеева по этнографическому изучению марийского народа. — Краевед Т.Е.Евсеев, с. 15.

²⁷ *Сануков К.Н.* Тимофей Евсеев, с. 77.

²⁸ См. о нем подробнее: *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин. Наст. изд., с. 148—193.

²⁹ Вяткина Капитолина Васильевна (1892—1973) — советский этнограф, монголовед. Работала в ИПИНе, затем, с февраля 1933 г., — в ИЭА/ИЭ. Занималась научно-организационной деятельностью. Кандидат исторических наук.

³⁰ Гринкова Надежда Павловна (1895—1961) — советский этнограф, диалектолог. С 1918 г. работала в Этнографическом отделе Русского музея (с 1934 г. — ГМЭ), в Ленинградском Государственном педагогическом институте им. А.И.Герцена. Профессор, доктор филологических наук. О ней см.: *Чагишева В.И.* Надежда Павловна Гринкова. — Русский язык в школе. 1961, № 3, с. 120; *она же* Творческий путь Н.П.Гринковой. — Ученые записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А.И.Герцена. Л., 1963, т. 248, с. 3—12.

³¹ *Резерв* — так в то время называли музейное хранилище.

³² О С.И.Руденко подробнее см.: *Решетов А.М.* С.И.Руденко — антрополог, этнограф, археолог. — С.И.Руденко и башкиры. Уфа, 1998, с. 5—25.

³³ Подробнее о деле Российской национальной партии см.: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

³⁴ Срезневский Всеволод Измаилович (1867—1936) — русский советский историк литературы, палеограф. С 1906 г. — член-корреспондент Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности, в дальнейшем — АН СССР. Работал в БАН заведующим с 1921 г. ее рукописным, а с 1923 г. — русским отделением.

³⁵ Воробьев Павел Иванович (1892—1937) — советский ученый-востоковед, музейевд, организатор науки. Ректор Восточного института, директор Русского музея, заместитель директора Института востоковедения АН СССР, директор ГМЭ. 11 сентября 1937 г. П.И.Воробьев был арестован. Ему было предъявлено обвинение по статье 58-6, 11 Уголовного кодекса РСФСР. 19 ноября 1937 г. Комиссия НКВД и Прокурора СССР приговорила П.И.Воробьева к высшей мере наказания. 24 ноября 1937 г. он был расстрелян в Ленинграде. Реабилитирован в 1957 г. О нем подробнее см.: *Решетов А.М.* Павел Иванович Воробьев: судьба человека и ученого. — *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* Helsinki, 1995, t. 86, p. 167—185.

³⁶ Кон Феликс Яковлевич (1864—1941) — деятель польского, русского и международного революционного движения. С 1884 г. отбывал 8 лет на каторге в Каре (Забайкалье), затем по 1904 г. был на поселении в Восточной Сибири. Участник революции 1905—1907 гг. В 1907—1917 гг. находился в эмиграции. В 1918 г. вступил в РКП(б). Принимал активное участие в Гражданской войне. Впоследствии был на партийной и советской работе: занимал видные посты в Коминтерне, был редактором газет и журналов, заведовал сектором искусств и музейным отделом Наркомпроса РСФСР и т.д. Был членом ЦИК и ВЦИК.

³⁷ Подробнее см.: *Крюкова Т.А. и Никитин Г.А.* Секция народов Поволжья в Государственном музее этнографии. — *Советская этнография.* Сб. статей. 1941, вып. 5, с. 168—171.

³⁸ Казакевич Владимир Алексеевич (1896—1937) — советский востоковед-монголовед, этнограф, музейевд. Работал в Институте востоковедения АН СССР, Ленинградском восточном институте, Государственном Эрмитаже и ГМЭ. Арестован 30 августа 1937 г. как японский шпион. 16 декабря 1937 г. постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 20 декабря 1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

³⁹ Таланов Николай Георгиевич (1897—1938) — советский тюрколог, организатор науки и музейного дела. Работал в Ленинградском восточном институте, Институте востоковедения АН СССР, Этнографическом отделе Русского музея. С 1935 г. — директор ГМЭ. Арестован 5 июля 1937 г. как участник контрреволюционной троцкистской террористической организации. 20 февраля 1938 г. приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР был приговорен к расстрелу. В тот же день приговор приведен в исполнение. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 мая 1957 г. приговор от 20 февраля 1938 г. в отношении Н.Г.Таланова отменен, дело за отсутствием состава преступления производством прекращено.

⁴⁰ Потапов Леонид Павлович (1905—2000) — советский этнограф, музейевд, организатор науки. В 1931—1948 гг. работал в ГМЭ, а затем заведующим Отделом Сибири и заместителем директора ИЭ АН СССР в Ленинграде. Доктор исторических наук, профессор. О нем см.: *Решетов А.М.* Старейшина этнографического цеха. К 90-летию со дня рождения Л.П.Потапова. — *Курьер Петровской Кунсткамеры.* СПб., 1995, № 2—3, с. 384—389.

⁴¹ О Т.А.Крюковой в период блокады см.: *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания, с. 491—493. К сожалению, здесь неверно указаны дата ее отъезда из Ленинграда в эвакуацию и ее отчество.

⁴² Об экспедиционной и собирательской работе подробнее см.: *Заднепровская А.Ю.* Собирательская и исследовательская работа Т.А.Крюковой по этнографии народов Поволжья, с. 122—128.

⁴³ *Крюкова Т.А.* Этнографы вернулись из экспедиции. — *Удмуртская правда,* 19.X.1965.

⁴⁴ *Крюкова Т.А.* Принципы построения экспозиции Марийского краеведческого музея в г. Козьмодемьянске. М., 1928 (mimeографированное издание).

⁴⁵ Список научных трудов Т.А.Крюковой см. в сб.: Личность и творчество. К 95-летию Т.А.Крюковой, с. 124—125.

⁴⁶ *Крюкова Т.А.* «Вождение русалки» в селе Оськине Воронежской области (по материалам экспедиции Государственного музея этнографии 1936 г.). — СЭ. 1947, № 1, с. 185—192.

⁴⁷ *Шаревская Б.И.* Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. — СЭ. 1953, № 2, с. 9—26; *Белицер В., Маслова Г.* Против антимарксистских извращений в изучении одежды. — СЭ. 1954, № 3, с. 3—11. На появление такого рода статей решающее влияние оказала позиция главного редактора журнала, директора ИЭ АН СССР С.П.Толстова.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Обсуждение корреспонденции «Вульгаризаторы в роли марксистов», опубликованной в газете «Правда» [ред. статья]. — СЭ. 1955, № 1, с. 172—173.

⁴⁹ Подробнее о жизни и деятельности Б.А.Крюкова см.: *Landrum Leslie R.* The Life and Botanical Accomplishment of Boris Alexander Krukoff (1898—1983). — *Advances in Economic Botany*. 1986, № 2, p. 1—96.

⁵⁰ Об успешных гастрольях А.Моисси в СССР 7—29 марта 1924 г. и 11 декабря 1924—7 января 1925 г. см.: *Бушueva С.К.* Моисси. Л., 1986, с. 67—80.